

Значимость центральной части Евразии для энергетической безопасности Китая

© 2010

Ли Син, Айк Мартиросян, Чжао Чжэнь

Правительство КНР неизменно отдавало приоритет использованию внутренних ресурсов, однако их острая нехватка быстро возраставший спрос на энергию вели к усилению зависимости Китая от импорта энергоносителей. Ввиду недостаточной надежности транспортирования их морским путем насущной стала необходимостью диверсификация каналов энергопоставок. При этом приоритет отдается прокладке трубопроводов из Прикаспийского региона. Развитие отношений дружбы и сотрудничества между Китаем, Россией и среднеазиатскими странами чрезвычайно важно для региональной стабильности и безопасности.

Ключевые слова: импорт Китаем энергоносителей, трубопроводы из Прикаспийского региона, Набукко, КННК, "Синопек"

Истоки дефицита: развитие

Как естественный результат наступившего с 1980-х гг. быстрого экономического роста и ряда сопутствующих факторов в Китае сложилась к 1993 г. качественно новая ситуация: нарастание дисбаланса между производством первичной энергии и спросом на нее.

Стратегическая цель четырехкратного увеличения ВВП Китая в 2000–2020 гг. делает задачу энергетической безопасности страны фундаментальным приоритетом. В 2000–2007 гг. среднегодовой прирост ВВП составлял примерно 9,8%. По экспертным прогнозам Академии общественных наук Китая, до 2015 г. темпы роста сохранятся на уровне, как минимум 8%, после чего могут упасть до 6,5%¹. Согласно анализу Международного управления энергетике США², в случае сохранения нынешних темпов развития Китая среднегодовой рост его энергетических потребностей составит в 1990–2030 гг. 3,4% и к 2020 г. превзойдет расходы первичной энергии в США. Уже сейчас потребности КНР в энергии растут почти вдвое быстрее среднемировых³.

Стратегия обеспечения экономического развития за счет внутренних, преимущественно, ресурсов изначально была и останется фундаментальной по-

Ли Син, доктор исторических наук, профессор, декан Института международных отношений и ведущий Центра исследований Евразии Пекинского педагогического университета. E-mail: xingli530@sina.com.

Айк Мартиросян, доктор политических наук, командированный из Армении в КНР.

Чжао Чжэнь, доктор политических наук, сотрудник Китайского института международных проблем.

зицией Китая. Вопреки приведенным выше выкладкам, его энергетические потребности поныне обеспечиваются, в основном, из внутренних ресурсов (примерно на 94% в 2006 г.). Хотя этот показатель, как предполагается, сократится к 2020 г. до 80%, он, тем не менее, останется одним из наилучших в мире.

Основной компонент в структуре производства первичной энергии — каменный уголь (69,6% в 2005 г. — в основном отечественный. По его разведанным запасам (114,5 млрд т.)⁴. КНР — третья в мире страна после США и РФ. Доля угля в производстве энергии непрерывно падает — к 2020 г. снизится до 55%, к 2050 г. — до 40%, нефть же была и останется в энергетическом балансе КНР 2-й: 21,1% в 2005 г., 22% в 2020 г. и 23% в 2050 г.⁵

1993 г., когда Китай предстал перед дефицитом нефти, считается поворотным: потребности тогда на 1,2% превысили объем добычи, и из экспортера нефти он превратился в страну-импортера. В дальнейшем зависимость от ее импорта неуклонно росла: с 1985 по 1995 гг. спрос на нефть в КНР удвоился (с 1,7 до 3,4 млн баррелей в день). В следующие 10 лет вновь удвоился (в 2005 г. — 6,8 млн баррелей в день).⁶ К 2015 г. зависимость от импорта нефти достигнет 60–70%⁷, Китай, как ожидается, будет потреблять до 14% добываемой в мире нефти (по 9,4 млн баррелей в день). Его разведанные запасы составляют, по данным за 2006 г., 16 млрд баррелей, или около 1,4% мировых запасов.

По принятым в мире стандартам, воздействие мирового рынка нефти на национальную экономику той или иной страны начинается с момента, когда годовой импорт оказывается выше 50 млн баррелей⁸. Наиболее впечатляющий тому пример — последствия войны в Ираке и их влияние на экономику Китая, где в 1-й половине 2003 г. импорт нефти вырос на 42,9%, а затраты — на 110,6% (величина “прибавки” — 4 млрд долл.). В 2007 г. китайский импорт достиг 160 млн т — на 12,4% больше, чем в 2006 г. Ныне потребности Китая в нефти — наивысшие в Азии, он стал вторым в мире по ее импорту, и обеспечение безопасности энергоносителей естественным образом становится главной движущей силой китайских реформ в сферах дипломатии и обороны.

Соответственно интересам смягчения проблем окружающей среды в структуре производства энергии предусматривается существенно приумножить использование возобновляемых энергоресурсов, как и природного газа. С 2000 г. процентный рост его потребления выражается двузначными цифрами (в 2000 г. было использовано 23,8 млрд куб. м, а в 2006 г. — 55,6 млрд куб. м). В 2005 г. доля природного газа в структуре энергопроизводства составила 2,7%, в 2020 г. достигнет, по прикидкам, 8%, а в 2050 г. — 12%⁹. До 2007 г. Китаю хватало собственных ресурсов природного газа, но уже в 2010 г. потребуются импортировать 40 млрд куб. м, к 2020 г. — 80 млрд куб. м, или, соответственно, 34% и 40% от общего объема потребления. При этом, по данным за 2006 г., разведанные запасы природного газа в КНР оцениваются лишь 2,5 трлн куб. м (т.е. 1,3% мировых запасов — 12-е место в мире).

Ясно, что при такой зависимости от ресурсов, контролируемых другими странами, усилия КНР по обеспечению соответствующими энергоресурсами ее экономики весьма важны, и в первую очередь — с точки зрения национальной безопасности.

Чтобы осознать значимость проблемы, следует отметить, что в вопросе энергообеспечения Китай сталкивается и с внутренними проблемами, и с внеш-

ними вызовами. К внутренним проблемам относится удовлетворение естественного увеличения спроса на энергию, вызванного быстрым экономическим ростом и его следствием — социальным развитием, а также решение обостряющихся проблем окружающей среды. В плане внешних проблем, основные вызовы — это прежде всего текущие изменения международной обстановки, довольно-таки высокая нестабильность регионов, богатых энергоресурсами.

Для Китая при его наибольшей в мире населенности энергетика имеет фундаментальное, первостепенное значение, с точек зрения экономического прогресса, социальной стабильности и национальной безопасности. Непрерывное углубление зависимости от зарубежных энергоресурсов самым непосредственным образом связано с национальной безопасностью.

Политика и реформы в энергетической сфере

В КНР за время ее существования учреждалось и упразднялось немало госструктур, управляющих энергетикой. В 1993 г. было упразднено Министерство энергетики. Основная и решающая роль в сферах нефти и газа перешла в стране и за рубежом к трем госкорпорациям: Китайской Национальной нефтяной корпорации — КННК (CNPC), Китайской нефтехимической корпорации — (Sinopet) и Китайской Национальной оффшорной нефтяной корпорации (CNOOC).

Энергетическая безопасность Китая предполагает, прежде всего, приоритетность освоения внутренних ресурсов. Но под давлением непрерывно нарастающей необходимости импорта нефти в КНР еще в 1999 г. была провозглашена стратегия “выхода вовне” (*цзоу чуцзюй*), означавшая стимулирование предприятий производить инвестиции за рубежом, поощрение системы управления и либерализацию финансового режима¹⁰. Благодаря внедрению этих механизмов и привлечению китайских корпораций на рынки ценных бумаг в Гонконге и Нью-Йорке открылись возможности для активной конкурентной инвестиционной политики.

Эта деятельность компаний за рубежом всецело опирается на рыночные механизмы, будучи созвучной с позицией КНР — исключить из нефтяной политики привычную формулу “нефть — политика — большая игра”. Но это отнюдь не означает отказа от энергетической или нефтяной дипломатии. Более того, успехи сотрудничества КНР с другими странами в данной сфере опираются прежде всего на дипломатические усилия.

Благодаря наличию как государственной поддержки, так и финансовых средств, корпорации проявляют достаточную гибкость в переговорах и ценовых действиях за рубежом. За короткий период объем и география их инвестиций значительно расширились, охватив в некоторых случаях регионы, контролируемые Западом. Эти компании столкнулись с проблемой поиска зарубежных источников энергоносителей в условиях системы, сложившейся под влиянием западных корпораций. Одним из основных путей поиска своего места на внешнем рынке для китайских компаний стало ясно выраженное использование ценовой политики.

Относительно внешних аспектов энергетической стратегии китайских корпораций имеет место преувеличенное беспокойство, будто внушительный рост спроса КНР на энергоносители и проводимая ею торгово-энергетическая по-

литика могут поставить под угрозу всемирную энергетическую безопасность — особенно американскую. В действительности, несмотря на впечатляющий прогресс, добыча нефти китайскими корпорациями за рубежом не достигает и 2% продаваемой в мире нефти. Да и продается она, в основном, за рубежом, обеспечивая этим корпорациям относительно высокую прибыль. Из добываемой ими нефти в Китай доставляется, по разным оценкам, лишь 40–45%.

Стратегия энергетической безопасности

Основы решения Китаем проблем энергобезопасности и противостояния вызовам это — разработка и последовательное внедрение оптимальных, адекватных текущей ситуации механизмов государственного управления и контроля над растущим спросом. Под воздействием серьезного дефицита энергоресурсов, возникшего в 2003–2004 гг. (импорт нефти в 2004 г. возрос по сравнению с 2002 г. почти на 67%), правительство КНР учредило Руководящую группу государственных энергоресурсов, руководимую главой правительства¹¹, с задачей разработки энергетической стратегии, курса развития отрасли, оптимизации использования энергии, политики энергобезопасности и международного сотрудничества. В декабре 2007 г. Группа представила “Белую книгу об энергетике КНР” и проект “Закона КНР об энергетике”, который был вынесен на всенародное обсуждение¹² и с 2009 г. вступил в силу. По всей вероятности, будет учрежден орган, который сосредоточит управление энергетической отраслью, разработку и реализацию внутренней и внешней политики в этой сфере. Создание такой структуры не только желательно, но и весьма своевременно — тем более, что стратегические проблемы государственного уровня и противодействие вызовам станут целями государственной политики, не затрагивая рыночных функций корпораций, хотя бы и государственных.

Спрос Китая на зарубежные энергоносители тесно взаимосвязан с внутренней политикой данной отрасли. Стратегия энергетической безопасности включает, прежде всего, повышение эффективности сбережения и использования энергии¹³, оптимизацию спроса на энергоносители и структуры энергетике, охрану окружающей среды, использование новых альтернативных и возобновляемых энергоресурсов, создание стратегического нефтяного резерва¹⁴. Внешнеполитическая функция энергетической стратегии состоит в укреплении международного сотрудничества и в продвижении диверсификации путей снабжения энергоресурсами.

Ныне Китай около 44% нефти импортирует с Ближнего Востока, 32% — из Африки, примерно 13% — из России, 4% — из Казахстана и 7% — из других стран. География территорий-поставщиков свидетельствует об уязвимости почти 80% всего объема импортируемой КНР нефти, что транспортируется морскими путями, контролируемые другими странами (через Малаккский пролив), ввиду чего обеспечение безопасности доставки становится первоочередной задачей. К тому же, около 90% морского импорта осуществляется танкерами других стран. Вспыхнувшая в 2003 г. война в Ираке имела существенное влияние в отношении реальных и потенциальных вызовов нефтяной безопасности КНР, как и географии внешней энергетической политики, выявления изъянов доставки. Качественные изменения в балансе сил, возможное в будущем усиление факторов нестабильности на Ближнем Востоке и в Персидском заливе ставят правительст-

во КНР перед необходимостью принятия и применения превентивной стратегии. Она закономерно способствовала осознанию необходимости возможного сокращения — посредством диверсификации источников — объема импорта из ближневосточного региона и объема доставки морскими путями, не контролируемые Китаем.

В свете всего этого очевидно, что доставка энергоносителей трубопроводами из Средней Азии и РФ жизненно необходима для Китая. При этом динамика энергетического сотрудничества КНР в каспийском регионе и с Россией имеет внутреннюю логику, как и определенные различия¹⁵.

Энергоносители Прикаспия

Поскольку по проведенным в 1970-х гг. разведочным работам были оглашены сильно завышенные данные, для начала 1990-х гг. была характерна атмосфера уверенности в том, что бассейн Каспия будто бы способен конкурировать по запасам энергоносителей с ближневосточным — даже заменить последний по значимости. Подписанный в начале 1994 г. “контракт века” между Азербайджаном и корпорацией Бритиш Петролеум положил начало геополитическому соперничеству на Каспии, получившему наименование “Новой большой игры”. В отличие от начала XX в., эта “игра” характеризовалась, прежде всего, обилием вовлеченных игроков, глобализацией экономики и тревогами о возможном в будущем дефиците энергоресурсов, а также совершенно новым качеством силовых центров. Провозглашенная лидерами региона открытая инвестиционная политика повысила привлекательность бассейна Каспия для западных корпораций, быстро снижавших ведущие позиции при разделе энергоресурсов региона — особенно, нефти. Последующие исследования опровергли значимость Каспия как конкурента ближневосточного региона, но одновременно помогли осознать его важность для диверсификации источников энергоносителей, что весьма актуально в свете энергетической безопасности¹⁶.

Ныне главная особенность каспийского региона, лежащего вдали от морских транспортных путей — конкуренция трубопроводных маршрутов, начало которой ознаменовалось рождением проблемы нефтепровода Баку — Тбилиси — Джейхан (БТД), ставшей еще драматичней применительно к газопроводам.

Ограниченность запасов и добычи энергоносителей, обилие взаимно соперничающих внешних игроков, стремящихся к их вывозу, как и поиск прикаспийскими странами выгод от диверсификации маршрутов транспортировки — все это повышало остроту конкуренции. Особенно ожесточенный характер получила конкуренция проектов России и Запада. Сейчас свыше 15% российского экспорта энергоносителей обеспечивается реэкспортом из каспийского региона, включая 84% всего объема экспортируемой Казахстаном нефти и 75% экспортируемого Туркменистаном газа¹⁷. Каспийские энергоносители и контроль над их транспортировкой имеют стратегическое значение в нынешней энергетической геополитике РФ, она прилагает максимум усилий для поддержания своих преимущественных позиций. Если договоренности РФ со среднеазиатскими странами будут реализованы, то нынешние объемы реэкспортируемых ею энергоносителей могут утроиться: ведь наращиванию добычи сопутствуют рост пропускной способности существующих трубопроводов и появление новых (например, Южного потока). Гибкая политика, проводимая в последнее время РФ по применению

системы европейских цен на энергоносители, и наличие геополитического влияния РФ в Средней Азии значительно повышают вероятность реализации этих договоренностей.

Главная особенность трубопроводных проектов Запада (БТД, Набукко): неадекватность экономического обоснования, что проявляется даже при выборе маршрутов; доминанта этих проектов — геополитика. С момента зарождения их идеи она “работает” в роли геополитического замысла, независимо от того, материализуется ли на практике (как БТД) или остается только идеей. Экономическое обоснование этих проектов предполагает взаимодействие и взаимосвязанность энергоносителей Закавказья и Средней Азии¹⁸. В плане структурных геополитических перемен это повлекло бы соединение двух регионов в единую структуру, что сопряжено с необходимостью прокладки транскаспийских трубопроводов и их зависимость — ввиду ограниченности энергоресурсов — от реализации трубопроводных проектов с иной, незападной направленностью. В результате явно снижается степень реализуемости этих проектов (т.е. Набукко), как и целесообразность их долгосрочной эксплуатации.*

Ввиду конкуренции с Россией энергетические проекты Запада явно содержат в себе геополитические компоненты, что привносит привкус конфронтации. Ввиду ограниченности тамошних запасов энергоносителей проекты их транспортировки в иных направлениях составляют конкуренцию для России со стороны Запада. Не случайно, Россия отнеслась к заинтересованности Китая в среднеазиатских энергопроектах — в отличие от заинтересованности западных стран — с определенным пониманием, неконфронтационно.

Место Средней Азии в энергопроектах КНР

При сильной зависимости от традиционных центров производства энергоносителей и отсутствии уверенности, что их транспортировка безопасна, значимость энергоносителей каспийского региона — особенно, среднеазиатских — жизненно важна для Китая. Его интерес к Центральной Азии естественен в силу географического фактора, экономическое развитие и стабильность сопредельных стран в регионе весьма значимы для его экономического прогресса и безопасности. Для формирования отношений дружбы и стабильного, доверительного, эффективного сотрудничества со странами этого региона Китай приложил огромные усилия по линиям двусторонней и многосторонней дипломатии. Прогрессу отношений сотрудничества существенно содействуют также развитие дружбы и взаимного доверия с РФ, как и усилия, прилагаемые для обеспечения гармонии в региональном сотрудничестве.

Первое обсуждение вопросов сотрудничества по энергоносителям состоялось в 1993 г. с Казахстаном, в дальнейшем китайские корпорации приложили серьезные усилия для налаживания сотрудничества с другими странами.

В Азербайджане корпорации КНР участвуют в разработке шести нефтяных месторождений на суше, в которых суммарный объем долевого участия китайской стороны составляет 87 млн т — количество, способное удов-

* В начале 2010 г. ряд стран ЕС предпринял попытки перевести идею нефтепровода Набукко в практическую плоскость, однако, перспективы реализации проекта по-прежнему неясны по причинам политического и экономического характера. — *Прим. ред.*

летворить лишь 6-месячный спрос в нынешних масштабах китайского импорта. Несмотря на настойчивые усилия китайских корпораций, им никак не удавалось включиться ни в трубопроводные проекты, ни в разработку шельфовых месторождений Азербайджана.

Успехи энергетического сотрудничества КНР в этом регионе опираются на позитивные достижения в сотрудничестве со среднеазиатскими странами, являющиеся, в основном, результатом двусторонних и многосторонних дипломатических усилий на высоком уровне. Китайские корпорации участвуют почти в 30-ти проектах среднеазиатских стран, включая изыскательские. Самые большие инвестиции сделаны в Казахстане. Добыча нефти корпорацией КННК в его месторождениях, включая Петро-Казахстан, в 2007 г. составила 18,6 млн т, газа — 4 млрд куб. м. Наибольший успех сотрудничества в энергетике — прокладка нефтепровода Казахстан— Китай (НКК) и газопровода Туркмения— Узбекистан— Казахстан— Китай (Трансазиатский газопровод ТАГ). Они являются приоритетными в стратегии обеспечения энергетической безопасности КНР.

В 2008 г. начался 2-й этап строительных работ на нефтепроводе Казахстан—Китай, охватывающий 700-километровый участок Кенкияк—Кумкол, посредством которого сданный в эксплуатацию в конце 2005 г. нефтепровод Атасу-Алашанькоу соединится с богатым нефтью участком казахского сектора Каспийского моря. К 2011 г. общая протяженность НКК составит 3000 км при пропускной способности 20 млн т. в год¹⁹.

ТАГ начинается в пограничном с Туркменией Узбекском районе Гедиан, где КННК единолично хозяйствует на месторождении с запасами газа 1,3 трлн куб. м. Труба, проложенная по территориям Узбекистана (525 км) и Казахстана (1293 км), пересекает границу КНР в Хоргосе (Синьцзян). ТАГ представляет собой две параллельные нити диаметром по 1067 мм. Согласно договору, пересмотренному в августе 2008 г., по трубопроводу будет перекачиваться 40 (вместо 30-ти) млрд куб. м туркменского газа в год. В строительство газопровода инвестируется 7,31 млрд долл. Протяженность ТАГ на территории Китая превысит 7000 км. Работы, начавшиеся в середине 2007 г., должны завершиться в 2012 г. Поставки 1-й очереди объемом 3–5 млрд куб. м намечено начать в декабре 2009 г. С политико-дипломатической точки зрения, главная особенность ТАГ — соединение усилий лидеров 4-х стран. Он является плодом гармоничного и тесного сотрудничества.

Уровень обеспечения безопасности двух трубопроводов сопоставим с обеспечением стабильности среднеазиатского региона: все существующие, и потенциальные вызовы (возможные межэтнические столкновения, угрозы исламского экстремизма, терроризма) могут иметь определенное воздействие и последствия для безопасности трубопроводов как в среднеазиатских странах, так и в Синьцзяне. Его полиэтнический состав, этнокультурная и религиозная общность большинства жителей с населением среднеазиатского региона повышают вероятность проникновения из Средней Азии в Синьцзян факторов региональной нестабильности. Ввиду стратегического положения и стратегической значимости Синьцзяна обеспечение его экономического развития и стабильности становится важнейшей задачей правительства КНР. Масштабные инвестиции в сферу энергетики Синьцзяна и региональная экономическая интеграция могут существенно улучшить социально-экономическую ситуацию в этом автономном районе. Проблемы безопасности и устойчивого развития средне-

азиатского региона имеют в этом смысле первоочередную и стратегическую значимость для Китая.

Эффективным механизмом гармоничного и стабильного сотрудничества стран региона с РФ является Шанхайская организация сотрудничества (ШОС). Проблематика укрепления сотрудничества и обеспечения безопасности в энергетической сфере изначально стала первоочередной для стран-членов. Хотя ШОС не является и не станет в будущем военной организацией, она имеет необходимый потенциал для предотвращения политическими и дипломатическими средствами изменения баланса сил в регионе, как и для выработки необходимых механизмов обеспечения безопасности. Единственный функционирующий военный механизм в регионе — Организация договора о коллективной безопасности (ОДКБ). Налицо возможность сотрудничества между ШОС и ОДКБ на случай серьезной угрозы для региональной стабильности.

1. *Xuecheng Liu*. China's Energy Security and Its Grand Strategy. The Stanley Foundation. USA. September 2006. — <http://www.stanleyfoundation.org/publications/pab/pab06chinasenergy.pdf>
2. Annual Energy Outlook 2008. With Projections to 2030, EIA-USA, June 2008. — [http://www.eia.doe.gov/oiaf/aeo/pdf/0383\(2008\).pdf](http://www.eia.doe.gov/oiaf/aeo/pdf/0383(2008).pdf)
3. Energy in Perspective. BP Statistical Review of World Energy 2007. Perth, 28 June 2007. — http://www.agric.wa.gov.au/pls/portal30/docs/FOLDER/IKMP/SUST/BIOFUEL/190707_STATSREVIEW07PERTH.PDF
4. *Xuecheng Liu*. Указ. соч.
5. *Cherng-Shin Ouyang*. Primary Energy Imbalance and China's Responses: with Special Reference to Oil Industry. CTER, 2008-3-25. — <http://www.edu.tw/ct.asp?xItem=9123@ctnode=12@mp=1>
6. *Xuecheng Liu*. Указ. соч.
7. Для сравнения укажем, что в настоящее время США потребляют около 21 млн баррелей в день, что составляет 25% добываемой в мире нефти, 40% энергетических потребностей США и более чем втрое превышает объем потребления нефти в Китае. Annual Energy Outlook 2008. With Projections to 2030, EIA-USA, June 2008. — [http://www.eia.doe.gov/oiaf/aeo/pdf/0383\(2008\).pdf](http://www.eia.doe.gov/oiaf/aeo/pdf/0383(2008).pdf).
8. *Zhang Jianxin*. Oil Security Reshapes China's Foreign Policy, Center on China's Transnational Relations. No.9, 2005–2006, The Hong Kong University of Science and Technology. 2005. — http://www.cctr.ust.hk/materials/working_papers/WorkingPaper9.pdf
9. *Cherng-Shin Ouyang*. Указ. соч.
10. *Xu Xiaojie*. Chinese NOCs' Overseas Strategies: background, comparison and remarks. the James A. Baker // Institute for Public Policy. Rice University. USA. March 2007. — http://www.bakerinstitute.org/programs/energy-forum/personnel/staff/Master_CV_XiaojieXu.pdf.
11. *Xuecheng Liu*. Указ. соч.
12. White paper: China's Energy Conditions and Policies. Information office of the State Council of the PRC. December 2007. — <http://www.china.org.cn/english/whitepaper/energy/237089.htm>.
13. В 2006 г. на 10 000 долл. ВВП в Китае затрачивалось в 4,7 раза больше энергии, чем в США и в 3,5 раза больше среднемирового уровня. В 2010 г. предполагается сократить этот показатель на 20% (*Cherng-Shin Ouyang*. Указ. соч.
14. В 2005 г. КНР обладала резервным запасом лишь на 30 дней, тогда как у США, Японии, Германии, Франции стратегического нефтяного резерва хватит соответственно на 158, 169, 127 и 96 дней. (*Cherng-Shin Ouyang*. Указ. соч.

15. *Li Xing, Martirosyan H.* The analyses of nationalism and Russian East Asia Resource Diplomatic Strategy // Russian Studies. East China Normal University. Shanghai, 2007. May.
16. Подтвержденные запасы нефти в регионе составляют более 4% мировых запасов (Азербайджан — 0,6%, Казахстан — 3,3%, Туркменистан и Узбекистан — 0,06%). Запасы природного газа составляют более 5% (Азербайджан — 0,8%, Казахстан — 3,1%, Туркменистан — 3%, Узбекистан — 1%).
17. *Li Xing, Martirosyan H.* Указ. соч.
18. Так, эксплуатация БТД после 2011 г. — с учетом сокращения добычи нефти в Азербайджане — предполагает значительные поставки нефти с кашаганского месторождения в Казахстане, что трудно реализовать, используя только танкеры.
19. *Handke S.* Securing and Fuelling China's Ascent to Power: The Geopolitics of the Chinese-Kazakh Oil Pipeline. Clingendael International energy programme. Netherlands Institute of International Relations Clingendael. August 2006. — http://www.clingendael.nl/publications/2006/20060900_ciep_paper_handke.pdf http://www.clingendael.nl/publications/2006/20060900_ciep_paper_handk.pdf